

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК
СССР.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Ответственный редактор

Е.м. Ярославский

К Н И Г А

7-8

131-132

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

1944

К ВОПРОСУ О ТЕОРИИ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА В КОНЦЕ XV И В XVI в.

Д. Лихачёв

С конца XV в. Русское государство стало лицом к лицу с Литвой, Польшей, Ливонией, Швецией, Турцией, Ираном. Москва стремилась завязать непосредственные отношения со всеми европейскими странами: Германией, Австрией, Венгрией, Венецией, Римом, Данией. Русское правительство искало в Западной Европе союзников, оно занимствовало отсюда технические знания, вызывало архитекторов, ремесленников, горноделов, оружейных мастеров. Непосредственные отношения с Западной Европой порождали в Новгороде и Москве движение «жидовствующих», переносивших на Русь некоторые идеи Возрождения и начатки научных западноевропейских знаний (астрология, логика и др.).

Но не только Россия была заинтересована в конце XV и в XVI в. в деятельных сношениях с европейскими странами. Западно-европейские государства также стремились к союзу с могущественной и ещё мало знакомой страной на востоке Европы.

Военные успехи Турции во второй половине XV в. вызывали ужас и смятение среди европейских народов. В 1453 г. после двухмесячной ожесточённой осады пал Константинополь. В 1459 г. Сербия была завоёвана и обращена в турецкий пашалык. В 1460 г. турки завоевали Афинское герцогство и вслед за ним всю Грецию. В 1462 г. они захватили Лесбос и Валахию, в 1463 г. — Боснию, в 1467 г. — Албанию, а затем Герцеговину. В 1476 г. турки опустошили Молдавию, а в 1479 г. заключили победоносный мир с Венецией и Неаполем.

Расцвет турецкого могущества на Востоке совпал с ростом силы и международного престижа молодого Русского государства. Иван III завязывал деятельные сношения с западноевропейскими государствами. Западно-европейские государства всячески стремились вселить Ивану III мысль о владычестве на Востоке, столкнуть Москву с Турцией и тем самым сделать молодое Русское государство послушным орудием своей политики. Одно из первых мест в сношениях Западной Европы с Москвой принадлежало папе. Маня и дразня Ивана III византийским наследством, римская курия стремилась вовлечь Москву в общеевропейский союз для борьбы с исламом. Именно с этой целью и был задуман в Риме брак Ивана III с Софьей Палеолог, племянницей последнего византийского императора Константина VIII. В пути византийскую принцессу сопровож-

дал легат папы. В Риме надеялись приобрести в лице супруга царицы не только нового союзника против Турции, но и, возможно, нового члена католической церкви. Вскоре после брака Ивана III и Софьи Палеолог сениория Венеции, всегда точная и осторожная в своих решениях, писала Ивану III, что Византия «за прекращением императорского рода в мужском колене должна принадлежать вашему высочеству в силу вашего благополучнейшего брака»¹.

Но Иван III не был склонен к войне с турками ради интересов западноевропейских государств. Не византийское наследство, а необходимость охраны южных границ Русского государства и, в частности, борьба Русского государства с вассалами Турции — крымскими ханами — служили неоднократно поводом для столкновений между Москвой и Константинополем и в XVI и в XVII веках.

Попытки соблазнить Москву константинопольским наследием и вовлечь Русское государство из-за него в войну с Турцией особенно усилились при Василии III. В 1519 г. магистр прусского Ордена сообщал Василию III через своего посла Дитриха Шонберга о том, что римский папа «наинейшего и непобедимейшего царя всеа Русии хочет короновати в христианского царя»², с тем только, чтобы Василий III принял участие в антитурецком союзе. В ходе переговоров Шонберг говорил о союзе «противу христианского врага Турка, кой держит наследие царя всеа Русии»³. Однако московские бояре отвечали Шонбергу, что Василий «хочет вотчины своее земли Русские»⁴, и не приняли во внимание «отчину константинопольскую»⁵, на которую указывал им Шонберг. Ни Иван III, ни Василий III, ни Иван IV не были склонены к войне с Турцией ради константинопольского наследства. Властители За-

¹ Успенский Ф., проф. Брак царя Ивана III. «Исторический вестник» № 12 за 1887 г., стр. 689; ср. также Пирлинг О. Россия и Восток, стр. 103, 166. СПб. 1892.

² Сборник Русского исторического общества (РИО). Т. 53, стр. 86. 1887.

³ Там же, стр. 91.

⁴ Там же, стр. 92.

⁵ Там же, стр. 86.

пада напрасно обольщали себя надеждой организовать совместно с Москвой крестовый поход против ислама. В Москве иначе смотрели на константинопольское наследие и нисколько не заботились о земельных приобретениях в Турции. Несмотря на всё своё ревнивое отношение к признанию своего царского титула на Западе Грозный не дал согласия императорскому посольству в 1576 г. на предложение «цесарства греческого» и титула «всходного цесаря» (царя Востока).

Идею «греческого наследия» внушали русскому правительству не только западные державы. Греки, часто приезжавшие на Русь после падения Константинополя, и греческие церковные власти проводили в своих домогательствах ту же «греческую идею», суть которой заключалась в том, что с гибелью императорской власти в Византии единственным защитником православия и греков является московский великий князь, к которому и должны перейти все права и обязанности императора второго Рима — Византии. Греки — турецкие послы — всячески стремились мешать мирным отношениям Русского государства с Турцией; так было при султанах Селиме и Сулеймане Великолепном. Особенно известен был своей изменнической по отношению к Турции политикой турецкий посол, по происхождению грек, — Скиндер. Русские требовали смены Скиндера, но греческая партия в Турции была сильна, и Скиндер оставался на своём посту. Он сыграл большую роль в провале идеи союза с Турцией, что подтвердилось после его отъезда из Москвы в 1529 году.

Максим Грек систематически проводил идею освобождения Греции с помощью военной силы Русского государства, мотивируя её тем, что «бог грекам от отеческих престол наследника покажет»¹, т. е. той же мыслью о правах московских князей на константинопольское наследство.

Эта идея не чужда была и известной части русского монашества, издавна воспитанного в политических представлениях византизма. Именно в этой среде, близкой к грекам, зрела с конца XV в. мистическая теория движущегося Рима. Суть этой теории сводилась к следующему: в мире существует только одно христианское, богоизбранное государство, которое не может пасть до скончания века, — вечный Рим. Но Рим, по этой теории, — не неподвижный Рим, связанный с определённой территорией. Первый Рим пал, уклонившись в нечестие, потеряв чистоту христианской религии; второй Рим — Византия, — примкнув в Флорентийской унии к первому, был завоёван турками. Отсюда родилась мысль, что вечный Рим живёт в каком-то новом государстве, оставшемся верным православию. И его искали то в Твери², то в Новгороде и наконец нашли в Москве, необычайно быстрый рост которой совпал по времени с гибелью Ви-

зантии. Естественно, что роль, которую играл в Византии император второго Рима как защитник церкви и глава всех христиан, с падением второго Рима переходила к главе третьего Рима — великому князю московскому. Эту теорию неоднократно внушали Василию III представители церкви. Дважды её взложил в своих посланиях к Василию III старец Елеазарова монастыря Филофей. Соответственно обычному титулу византийских императоров «святой» Филофей называет Василия III³ «освящённая глава»⁴ и применяет к нему другие обычные титулы византийского императора: «браздодержатель святых божних церквей», «святыя православныя христианския веры содержатель» и др.

Видя в Василии III главу всех ромеев (т. е. римлян), Филофей писал ему: «Едины ты во всей поднебесной христианом царь»⁵, а в другом послании: «Един (есть. — Д. Л.) православный русский царь во всей поднебесной». Ещё резче идея всемирной власти великого князя московского выражена Максимом Греком (итальянцем по воспитанию и греком по происхождению). Василия III Максим Грек называл «благочестивейший царю не токмо Руси, но всея подсолнечныя»⁶.

Деятельные международные сношения Руси, рост национального самосознания в широких народных массах и, наконец, возникшая в отдельных кругах чёрного духовенства мистическая теория Москвы — третьего Рима — в значительной степени способствовали росту национально-политических идей Русского государства. Однако политическая теория Русского государства, выросшая в условиях новой международной расстановки сил, не шла на поводу ни у Западной Европы, ни у греков или псковского и новгородского чёрного духовенства. Те же внутренние причины, которые обусловили необычайный рост Русского государства в конце XV и в XVI в., вызвали рост национального самосознания и развитие политической теории Русского государства. Создавая свою теорию, московское правительство исходило из необходимости национального объединения Руси. Русское правительство деловитее, практичнее и ближе к национальным русским интересам решало проблемы, которые ставили и старец псковского Елеазарова монастыря Филофей и Максим Грек.

Несмотря на состоявшийся брак Ивана III с Софьей Палеолог надежды папской курии на то, что московские государи отныне будут считать себя наследниками византийских императоров, не оправдались. Московские государи ни разу не предъявляли своих прав на императорский титул, не-

³ По мнению некоторых исследователей, не Василия III, а Ивана IV.

⁴ М а л и н и н В. Старец Елеазарова монастыря Филофей, стр. 547. Киев. 1901.

⁵ Там же.

⁶ «Православный собеседник» за 1861 год. Ч. 2-я, стр. 297.

¹ Грек М. Соч. Слово VII. 1889.

² Л и х а ч ё в Н. Инока Фомы слово похвальное о князе Борисе Александровиче. СПб. 1906.

смотря на то что германский император Максимилиан I называл Василия III императором, и ни разу не обнаружили притязаний наследовать права Софьи Палеолог на Византию. Пересматривая многочисленные доказательства прав, которые предъявляли московские великие князья на царский титул, мы нигде не найдём ссылок на получение этих прав путём брака Ивана III с Софьей Палеолог. Обращаясь к восточным патриархам за утверждением царского титула, Иван IV говорил о своём родстве с византийскими императорами, но ни разу не упоминал о своей бабке — Софье Палеолог. Не упоминала о родстве московских великих князей с византийскими императорами через Софью Палеолог и официальная литература Москвы XVI в.: Никоновский летописный свод, Степенная книга, Сказание о великих князьях владимирских, повести о мономаховых регалиях и дипломатическая переписка Москвы.

В Москве склонны были видеть в Софье царственную сироту, нашедшую приют в могущественном государстве, а не могущественную наследницу державных прав империи. В Софийской II и Воскресенской летописях после описания похода Ивана III на Угру летописец поместил воззвание к потомкам хранить независимость своего отечества.

Это воззвание заканчивалось явным намёком на отца Софьи — Фому Палеолога — и на его сыновей, один из которых (Андрей) дважды безрезультатно приезжал на Русь торговать правами византийских императоров: «О храбрости, мужественности сынове Русьстии! потщитесь сохранить своё отечество, Русьскую землю, от поганых; не пощадите своих голов, да не узрят очи ваши пленения, и грабления святым церквем и домом вашим, и убийства чад ваших, и поругания женам и дочерем вашим. Якоже пострадала инни величии славнии земли от Турков, еже Болгаре глаголю и рекомии Греци, и Трапизонь, и Амория, и Арбанасы, и Хорваты, и Босна, и Манкуп, и Кафа и инни мнози земли, еже на сташа мужествени, и погибоша и отечество своё изгубиша и землю и государство, и скитаются по чюжим странам бедни во истинну и странни, и много плача и слез достойно, укоряеми и поношаеми и оплеваеми, яко не мужествени... Тако мч бога видех своим а очима, грешныма великих государь, избегших от Турков со имением и скитающихся яко странни и смерти у бога просящих яко мздовъздаiania от таковыя бедь»¹. Ясно, что «избегшие от Турков» и «смерти у бога просящие» родственники византийских императоров не могли явиться основой величественной идеологии молодого Русского государства.

Точно так же и теория, изложенная Филофеем Василию III, резко отличалась от творческой политической теории, направлявшей меч великокняжеской власти. В противоположность наименованию московских

великих князей «единими государями во всей подсолнечной» официальная терминология точно и определённо называла их великими князьями (или царями) «всёя Руси». «Блестящее марево всемирной власти», которое пытались открыть перед московскими государями в заманчивой дали сторонники теории Москвы — третьего Рима, — никогда не прельщало московское правительство, неуклонно стремившееся к близкой и конкретной цели — воссоединению «всёя Руси»². Русские великие князья упорно настаивали на своих извечных правах на царство и не желали принимать свой царский авторитет от Византии, позорно утратившей независимость. Не по наследству, не по милости греков получили русские монархи царский титул. Русские князья — «изначала государи на своей земле». Эти идеи настойчиво проводились во всех официальных документах XV—XVI вв.: в Никоновской летописи, в Сказании о князьях владимирских, в дипломатической переписке, в посланиях, завещаниях, официальных речах и соборных постановлениях.

Не случайно Иван Грозный говорил Посевину: «Мы верим не в греков, а в Христа: мы получили христианскую веру при начале христианской церкви, когда Андрей, брат апостола Петра, пришёл в эти страны, чтобы пройти в Рим, таким образом мы на Москве приняли христианскую веру в то же самое время, как вы в Италии, и с тех пор доселе соблюдали её ненарушимою»³.

Официальная литература московского правительства осталась чужда теории третьего Рима, как осталась она чужда и идее византийского наследства через Софью Палеолог. Мечта о Москве — третьем Риме — никогда не была движущей силой московской дипломатии. Недаром Максим Грек упрекал рус-

² Отличие теории Филофея от официальной идеологии московского правительства отмечал и В. Малинин. Он писал о Филофее: «У него с большею полнотой и определённо выступает теория мирового признания России как царства не только единственно православного, но и последнего, призванного существовать до конца вселенной. Отсюда в ином несколько обосновании выступает у него и теория царской власти» («Старец Елеазарова монастыря Филофей», стр. 616). Последующие исследователи грубо отождествили идеи Филофея с правительственной теорией, изложенной в Никоновском своде, Сказании о князьях владимирских и дипломатических документах.

³ Suppl. ad Historica Russiae Monumenta, p. 102. Цитирую по Голубинскому Е. История русской церкви. Т. I. Ч. I-я, стр. 8. Предание о посещении апостола Андрея в XVI в. попадает в Степенную книгу (I, 95—97) и в другие исторические сочинения XVI в. Его особо отмечает С. Герберштейн («Записки о Московии», стр. 44. 1-е изд.). Публицистическая мысль XVI в. всячески стремится доказать давнюю независимость Руси от второго Рима — Византии.

¹ Софийская II летопись под 1481 годом.

ских в том, что они только «своих си ищут, а не яже вышняго»¹.

Особенно резко различия в воззрениях греков и русских на значение царской власти сказались на придворных обрядах. Русские великие князья не назывались «святыми», они не принимали участия в богослужении в качестве духовных лиц; они допускали, чтобы во время обряда венчания рядом с ними, как равный, сидел митрополит, а впоследствии патриарх. Между тем в Византии императору тоекратно возглашалось «свят» во время обряда венчания; он занимал определённое место в богослужении как духовное лицо, благословлял народ и кадил в церкви. Он считался выше патриарха, стоявшего рядом с ним во время обряда венчания. В византийском обряде не было обмена речами между иерархом и монархом. Между тем в русском обряде венчания митрополит (а впоследствии патриарх) и государь обменивались речами, содержание которых знаменательно: после возглашения клиром многолетия венчанному государю митрополит (или патриарх) поучал царя «о полезных» — об обязанностях царя к богу, к церкви, к царской власти и к народу.

Настоящий толчок развитию теории Русского государства был дан изнутри — формированием русского национального государства, объединением русских земель и окончательным освобождением при Иване III от татаро-монгольской зависимости.

В течение XIV и XV вв. для многих русских людей освобождение от татарской зависимости и решительная борьба против татар были заветным желанием. В договорных грамотах и в княжеских завещаниях начиная с Дмитрия Донского постоянно оговаривалось: «а переменит бог орду» (или «а ци переменит бог татар») ². Летописи свидетельствуют, что когда Иван III колебался начать борьбу с Ахматом (1480), мать и дядя великого князя, митрополит и все бояре «молиша его великим молением, чтобы стоял крепко за православное христианство против бесерменству» ³.

Освобождение от татарской зависимости (1480) было грандиозным долгожданным событием, с которым связано развитие теории Русского государства. Сознание собственного достоинства, независимости от какой-либо земной власти и равноправия со всеми великими державами мира глубоко проникает в дипломатическую практику и политическую теорию русской монархии. Именно после освобождения от татар-

ской зависимости, а не после брака с Софьей Палеолог, Иван III начинает употреблять титул царя в международных отношениях с Любеком, Нарвой, Ревелем и магистром Ливонии ⁴. Послу германского императора Николаю Поппелю, вторично явившемуся в Москву в 1489 г. с предложением королевского титула, Иван III велел ответить: «Мы божиею милостию государи на своей земле изначала, от первых своих прародителей, а поставление имеем от бога, как наши прародители, так и мы, а просим бога, чтобы нам дал бог и нашим детем и до века в том быти, как есмь ныне государи на своей земле, а поставления, как есмь наперед сего не хотели ни от кого, так и ныне не хотим» ⁵. Перед иностранными властителями предстал государь, полный сознания достоинства и мощи своей страны. Именно после освобождения от татарской зависимости растёт пышность церемониала московского двора, появляются новые придворные должности ⁶, новый посольский обряд. Увеличивается и забота Ивана III о том, чтобы русские послы не роняли достоинства Русского государства. Послы Ивана III — Плещеев, Голохвостов, Кутузов — держали себя при константинопольском дворе не по-азиатски, не становились на колени перед султаном, в то время как другие европейские послы вынуждены были преклонять колена перед султаном и подвергались оскорблениям и побоям. Ревниво оберегая честь молодого Русского государства, Иван III тщательно следил за равенством отношений с другими европейскими государствами и оказывал иноземным послам такой же приём, какой оказывали русским послам при дворах иноземных государей. Так создавался новый посольский обряд, основанный не на заимствованиях из Византии, а на дипломатической практике европейских государств.

Дипломатические отношения России с западноевропейскими государствами развивались в тесной связи с политической теорией Русского государства.

Московские дипломаты учитывали интерес Западной Европы эпохи Ренессанса к античности, сказавшийся не только в искусстве и литературе, но и в политике. Они создали теорию родства московских великих князей с императорами древнего Рима, которая подчёркивала древность и княжеского рода и управляемой им страны. Отсылая Юрия Грека послом к «цесарю», Иван III дал ему наказ: в случае если от «цесаря» последует предложение выдать дочь Ивана III за племянника «цесаря»,

⁴ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными Т. I, стр. 46, 47, 59—61, 87, 96—98, 114. СПб. 1851.

⁵ Там же, стр. 12.

⁶ В 1495 г. при дворе Ивана III появились новые чины: казначея, постельничего, ясельничего и с 1496 г. — конюшего. «Послужной список старинных бояр и дворецких, окольных и некоторых других придворных чинов». Древняя Российская Вивлиофика. Т. XX, стр. 8. 1791. 2-е изд.

¹ Грек М. Соч. Слово VII. 1889.

² Собрание государственных грамот и договоров (СГГ и Д). Т. I, стр. 71, 73, 78, 81, 84, 87, 89, 92, 98, 101, 103, 108, 111, 114, 117, 120, 122, 125, 128, 131, 148, 161, 164, 167, 180, 184, 197, 201, 203, 229. М. 1813.

³ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). VI. 20 и 224; VII, 206; Никоновская летопись. VI. 112.

отвечать отказом, так как это не соответствует достоинству московского государя: «В всех землях то ведомо, а надемся, что и вам ведомо, что государь наш, великий государь, урожекий изначала от своих прародителей; а и наперед того от давних лет прародители его по изначальству были в приятельстве и любви с передними Римскими цари, которые Рим отдали папе, а сами царствовали в Византии»¹.

Историческая легитимация власти, desempenывавшая утвердить царское достоинство московских государей, была начата в весьма широких масштабах. При Иване III было предпринято создание официальной родословной московских великих князей. Эта родословная, оформленная в Сказание о князьях владимирских, начинается с рассказа о разделе земли между потомками Ноя, продолжается перечнем великих властителей, центральное место в котором занимают сведения об императоре Августе, а затем доказывается родство московских великих князей с императором Августом через его брата Пруса, которого Август посадил управлять на побережье Вислы. По имени этого Пруса земля на Висле стала называться «Прускою землей». Сюда пришли послы новгородцев по совету Гостомысла искать себе князя. Здесь они нашли Рюрика, «суща от рода римска цесаря Августа», положившего затем основу династии русских князей. Заканчивалось сказание рассказом о получении знаков царского достоинства Владимиром Всеволодовичем от Константина Мономаха. После победоносного похода Владимира Всеволодовича во Фракию Константин прислал ему дары — крест «от самого животворящего древа, на нем же распяты владыка Христос», «венец царский», «крабицу сердоликову, из нее же Август кесар веселяшеся», ожерелье, «иже на плещу свою ношаше», и др. «И с того времени, — сообщало сказание, — князь великий Владимир Всеволодович наречеся Мономах, царь великие России. И оттоле и донныне тем царским венцом венчаются великие князи владимирские, егда ставятся на великое княжение российское»².

В отличие от теории Москвы — третьего Рима, — не выходящей за пределы церковных кругов по преимуществу, фантастическая генеалогия русских князей и рассказ о происхождении царского достоинства великих князей от Владимира I и Владимира Мономаха имели широкое распространение в дипломатической практике XVI века. Успех этих идей развивался по мере того, как усложнялись иностранные сношения России, и по мере расширения дипломатических связей с иностранными государями, перед которыми московские великие князья никогда не хотели казаться худородными. Сведениями о

родстве великих князей и о венчании Владимира Мономаха полны все официальные памятники XVI в.: Четьи-Миней митрополита Макария, Степенная книга, Воскресенская летопись, Казанский летописец, Царственный летописец и т. д. Повесть о мономаховых регалиях была вырезана на дверцах царского места в Успенском соборе (1551). Генеалогии русских князей переводят на латинский язык, явно предназначая для распространения за границей. Ссылками на нее пестрят дипломатические памятники XVI века.

Все эти официальные произведения XVI в. стремились подчеркнуть изначальность на Руси царской власти. С царским титулом русских государей связывались представления об их равноправности западноевропейским властителям, о равноправии Русского государства с державами мира. И это равноправие считалось исконным, а не перешедшим на Русь с падением второго Рима — Византии.

Были и особые причины, заставлявшие русское правительство с особенной настойчивостью относить принятие царского титула ко времени Владимира I и Владимира Мономаха. Значительная часть русских и украинских земель в XVI в. находилась под властью польско-литовского государства. Древнейшие русские города — Киев, Чернигов, Полоцк, Смоленск — были захвачены иностранными державами. Официальная правительственная теория Русского государства выросла в основном из потребностей окончательного объединения Русского государства — освобождения земель, принадлежавших «прародителям» московских государей: Владимиру I и Владимиру Мономаху. Согласно официальной правительственной теории XVI в., московские великие князья были наследниками киевских, а Москва — наследницей Киева, «вторым Киевом». Под знаком борьбы за киевское наследство проходят дипломатические отношения Русского государства с польско-литовским: «Киев и Полтеск, и Витепск и Волинская земля» рассматривались как «наши вотчины прародительские»³. Пропагандируя свои права на наследство Владимира Мономаха, московские великие князья требовали тем самым признания себя боговенчанными монархами «всея Руси», а следовательно, и тех русских и украинских земель, которые находились под властью польско-литовского королевства. Этим объясняются настойчивость, с которой московская дипломатия добивалась признания русской правительственной теории, и упорство польско-литовского государства, не желавшего признать право московских великих князей на царский титул.

Как видно из грамоты Сикста IV, написанной в 1484 г. польскому королю, в Польше серьезно опасались, чтобы папа не дал Ивану III титула императора или короля «в сея Руси» («*Imperialem sive regalem dignitatem in tota Ruthenica natione*»), что

³ Сборник РИО. Т. 59, стр. 575. СПб. 1887.

¹ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. I, стр. 17.

² Жданов И. Русский былевой эпос. Исследования и материалы. Т. I—V. СПб. 1895.

явилось бы санкцией на соби́рание московским государем русских земель¹. В грамоте 1493 г. к литовскому великому князю Александру Ивану III впервые в своих сношениях с Литвой назвал себя государем «всёя Руси» и велел своему послу Дмитрию Загряжскому титуловать себя так во всех речах к литовскому князю. В случае вопроса, почему Иван III титулуется государем «всёя Руси», в то время как ни он, ни кто-либо из его предков не именовали себя так в сношениях с Литвой, Загряжскому наказано «молвити так: Государь мой со мною так приказал, а хто хочет то ведати, и он поедь на Москву, там ему про то скажут»².

Во второй половине XVI в. московское правительство особенно настойчиво подчёркивало свои права на киевское наследство и московским послам не приходилось более зазывать к себе в Москву иностранных дипломатов для объяснения по этому поводу. Отправляя в 1549 г. послов в Литву для присутствия при обряде крестного целования короля на перемирных грамотах, Иван Грозный наказал им передать королю: «Милостию бога вседержителя и родитель наших благословением, на свои государства царем есмя венчались прежде бывшим венчанием прародителя нашего царя и великого князя Владимира Манамаха. ...Мы то свое венчание взяли от прародитель своих, а не иным обычаем»³.

В 1550 г., отправляя к королю посла Якова Остафьева, Иван IV дал ему подробный наказ. На вопрос короля о титуловании Остафьев должен был отвечать: «Наш государь учинился на царстве по прежнему обычаю: как прародитель его, великий князь Владимир Манамах венчан на царство Русское, коли ходил ратью на царя греческого Костянтина Манамаха, и царь Костянтин Манамах тогда прародителю государя нашего, великому князю Володимеру, добил челом и прислал к нему дары, венец царский и диядиму, с митрополитом ефесским кир Неофитом, и иные дары многие царские прислал, и на царство митрополит Неофит венчал, и от (того.— Д. Л.) времени именован царь и великий князь Владимир Манамах; и государя нашего ныне венчал на царство Русское тем же венцом отец его Макарей митрополит, занже ныне землёю Русскою владеет государь наш один»⁴.

В 1554 г. в наказе послам боярину Василию Юрьевичу, казначею Фёдору Сукину и дьяку Ивану Бухарину снова было предложено добиваться признания царского титула и подробно обосновать эти требования, ссылаясь на повесть о мономаховых регалиях. В 1554 г., отправляя посла к королю с извещением о завоевании астраханского царства, Иван IV наказал ему напомнить королю, что мир между ними возможен только в случае

признания его царского титула⁵. Снова было наказано послу говорить, что предок царя, Владимир Мономах, венчался на царство и что и царь Иван IV венчался, следуя его примеру. Теория царского титула ещё раз выступает в переговорах 1555 года⁶, затем в переговорах 1556 г.⁷ и т. д. Не было таких переговоров с польско-литовским государством, во время которых не возникал бы вопрос о царском титуловании и русские не ссылались бы на родство своих государей с Августом кесарем и на царское венчание Владимира Мономаха. Споры по этому вопросу продолжались при Фёдоре Иоанновиче, Борисе Годунове, Василии Шуйском, Михаиле Фёдоровиче.

В течение двух столетий московские князья во внешней политике Русского государства отстаивали свои права на киевское наследство, что способствовало воссоединению русских земель и отвечало жизненным потребностям русского народа. Это была историческая легитимация объединительной политики Русского государства.

Замечательно, что теория киевского наследия выросла на почве идеализации Киева периода до монгольского ига, идеализации, которая была глубоко народна. Возведение царского титулования ко Владимиру I и Владимиру Мономаху совпадало с эпической идеализацией Владимира «Красное Солнышко» в русском былевом эпосе. Идея киевского наследия соответствовала воспеанию Киева в былинах как колыбели русского, украинского и белорусского народов.

Повесть о мономаховых регалиях, как это установлено в литературоведении⁸, пронизана фольклорными сказаниями. Легенда о дарах византийского императора Владимиру Мономаху была известна на Руси уже в XIII в.; в «Слове о погибели Рускыя земли» — памятнике XIII в. — сообщается о «великих дарах», которые послал Владимиру Мономаху император Мануил. На устно-поэтическое происхождение легенды о венчании на царство Владимира Мономаха указывают и те фактические неточности, которые в ней имеются: Константин Мономах, который будто бы послал Владимиру знаки царского достоинства, в действительности умер в 1055 г., когда Владимиру Всеволодовичу было всего два года. Митрополит эфесский Неофит, который должен был возложить на Владимира Мономаха венец и бармы, в списках эфесских митрополитов не значится. Эта народная основа официальной правительственной теории, на которой строилась объединительная политика Русского государства, весьма знаменательна.

Идеология Русского государства, его внешняя и внутренняя политика наложили резкий отпечаток прежде всего на внешний облик Москвы, ставшей столичным городом

¹ Theiner. Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae, t. II, Nr. 257. Romae, an 1861. Цитирую по Савва В. Московские цари и византийские василевсы, стр. 274. 1901.

² Сборник РИО. Т. 35, стр. 82. СПб. 1882.

³ Сборник РИО. Т. 59, стр. 309.

⁴ Там же, стр. 345.

⁵ Там же, стр. 451.

⁶ Там же, стр. 474, 475.

⁷ Там же, стр. 504, 519.

⁸ «История русской литературы». Т. II, Ч. 1-я, изд. АН (печатается); Седелъников А. Эпическая традиция о Мануиле Комнине. «Slavia». 1925. R. III, S. 4.

большого европейского государства. Заботясь о внешнем благоустройстве Москвы, московские великие князья стремились придать ей национальный облик, воплотить в ней национальные идеалы красоты. В отличие от первых строителей Киева, стремившихся соперничать с Константинополем как в планировке, так и в устройстве отдельных зданий (София в Константинополе и в Киеве, Золотые ворота в Константинополе и в Киеве и др.), Москва организуется как русский город; при её строительстве учитываются по преимуществу русские традиции. Московские государи не стремились к воссозданию в Москве облика Рима или Константинополя.

Конец XV в. отмечен объединением областных, местных русских архитектурных школ. Объединительной политике московских великих князей и объединительной политике московских летописцев, соединивших в грандиозных сводах областное русское летописание, соответствуют объединительные тенденции в области русского искусства. В грандиозной строительной деятельности Москвы приняли участие мастера из Пскова, Новгорода, Твери, Владимиро-Суздальского княжества. Кроме русских строительных школ Москва обращалась к зодчим наиболее передовой в то время в архитектурном отношении страны Европы — Италии. В Москву вызваны были болонский архитектор и военный инженер Аристотель Фиораванти, Антон Фрязин, два Алевиза, Марко Руффо, Пьетро Антонио Соларио, Бон Фрязин и др. В Москве сосредоточился обширный круг архитекторов эпохи Возрождения. Все они работали над созданием московского Кремля. Но итальянского архитектурного ансамбля в Москве не получилось. Планировка Кремля была основана на чисто русских архитектурных принципах. Ансамбль Кремля строился по-русски, открыто во внешнее пространство, на крутом берегу реки Москвы. Здания, построенные москвичами, итальянцами, псковитянами, стояли рядом, играя контрастными формами, группируясь по живописному принципу, чуждому ренессансной ясности соотношений.

Знаменательно, что и болонец Аристотель Фиораванти и миланец Алевиз Новый подпали в Москве под сильное влияние русского искусства и сохранили в своих постройках лишь немногие, новые для Руси архитектурные приёмы. Выстроенный Аристотелем Фиораванти в московском Кремле Успенский собор (1475—1479) развивал формы предшествовавшей ему русской архитектуры. Прежде чем приступить к постройке Успенского собора, Аристотель совершил большое путешествие по русским городам: на Успенском кремлёвском соборе сильно отразилось влияние архитектуры Успенского собора во Владимире и Софии Новгородской.

Русские формы Успенского собора, связь их с формами владимирского Успенского собора и Софии Новгородской не случайны. Иван III строил в Москве центральную святыню объединённого Русского государства. Успенский собор должен был быть символом русской церкви вообще, так же как София Константинопольская — греческой, храм

Воскресения в Иерусалиме — иерусалимской и т. д. В Успенском соборе хранилась главная святыня Русского государства — патрон Москвы — икона Владимирской Божьей матери. В Успенском соборе происходили венчание на царство московских государей и хиротония епископов всех областей; здесь при гробе митрополита Петра произносилась епископская присяга и т. д. Иосиф Волоцкий называл Успенский собор «земным небом, сияющим, как великое солнце посреди Русской земли»¹. Митрополит Филипп говорил об Успенском соборе, что он, как солнце, сияет благочестием «в всех русских землях»². В таких же выражениях говорил об Успенском соборе старец Филофей в своём послании Василию III и др.

Построение нового Успенского собора было отмечено составлением в 1479 г. грандиозного летописного свода как нового периода в русской истории. В последних частях этого свода подробно описаны новгородский поход Ивана III и присоединение Новгорода; заканчивается он описанием торжественного открытия нового центра вселенского православия.

Все окружающие собор постройки создавались, исходя из идеи Успенского собора как религиозного центра всей Руси. Успенский собор обстраивался целым «кустом» церквей и зданий, в построении которых принимали участие различные архитектурные школы. На месте обветшалых укреплений Дмитрия Донского заново отстраивались стены и башни московского Кремля. Стены были построены по последнему слову фортификационного искусства.

В XV и начале XVI в. московский Кремль был сильнейшей крепостью Европы, уступая лишь Миланскому замку, законченному строительством в 1459 году. Непрístupные укрепления Кремля символизировали силу и мощь молодого Русского государства. пышное величие и церемониальная торжественность московского Кремля находятся в неразрывной связи с идеями государственной власти времени Ивана III.

Черты московского Кремля отразились при строительстве нижегородского Кремля, укреплений Серпухова, Тулы, Зарайска и многих других русских городов. Москва, став политическим центром объединённых ею областей, распространяла своё влияние и на искусство периферии.

Однако заботы об общем национальном русском облике Москвы этим не ограничились. Национальные задачи, которые стояли перед Русским государством, поставили перед архитектурой проблему перенесения форм народного деревянного зодчества в каменное зодчество. Русская архитектура XVI в. шла по пути создания каменного шатрового храма. Простой образец такого храма — деревянная церковь, в которой сплошь и рядом восьмигранный сруб увенчивался высокой кровлей с одной главой наверху.

¹ Иосиф Волоцкий Провосветитель. Печатное издание Казанской духовной академии, л. 57.

² Русская историческая библиотека. Т. VI, стб. 723. СПб. 1880.

Этот новый тип каменного храма заимствовал свои формы из народного деревянного зодчества; постепенно усложняясь, он достиг необычайной декоративности, отвечавшей народным вкусам.

Первые опыты перенесения форм деревянной архитектуры в каменную относятся к очель давнему времени. Их, повидимому, можно было найти на Руси до монгольского завоевания. Они были и в старой Москве (церковь Ивана Лестничника с колоколами наверху 1329 г.), и в Новгороде (круглая, «яко столп», церковь в Хутье 1445 г.), и в Александровской слободе, и др.¹ Однако только в XVI в. проникновение в каменное зодчество форм народного деревянного зодчества приобретает широкие размеры и идейную целеустремлённость обращения к народным началам.

Каменный шатровый храм Вознесения в селе Коломенском, относящийся к 1532 г., является образцом русской народной архитектуры. Храм произвёл на своих современников огромное впечатление. Освящение его было отпраздновано Василием III необычайно торжественно. Летопись отметила красоту и «величество» храма: «Допрежь такой не было на Руси».

Высший образец народного шатрового стиля XVI в. — собор Василия Блаженного на Красной площади в Москве (1550—1560), выстроенный русскими зодчими Посником и Бармой как памятник покорения Казани. Народные формы его архитектуры не были случайными в строительной практике Русского государства. Иван IV строил собор, «сотворив совет благ» с инициатором ряда культурных начинаний XVI в. — митрополитом Макарием. Очевидно, авторитетное мнение

последнего было решающим при принятии нового типа храма. Собор представляет собой группу из девяти «столпов», частью увенчанных шатрами, и рассчитан не столько на пластическое, сколько на чисто живописное впечатление, требовавшее от зодчих особенно тонкого художественного чутья.

Храм Василия Блаженного — образец необыкновенного расцвета русского строительного искусства, особенно если принять во внимание, что в эпоху его создания ни в России, ни на Западе не были ещё известны основы математического расчёта устойчивости архитектурных сооружений.

Итак, и в политике, и в литературе, и в искусстве XVI в. русские стремились утвердить своё национальное содержание, свои национальные интересы. Россия вошла в ряд европейских стран как равноправное государство, со своей политической теорией и со своим искусством, стоявшими на одном уровне с европейскими и учитывавшими достижения Запада.

В отличие от других средневековых государств, существование которых в значительной мере было официально подкреплено отвлечёнными, мистическими и вненациональными принципами (Священная Римская империя, идея «града Божьего» в политических домогательствах папской курии и т. д.), Русское государство опиралось в обоснование своих прав на местные, национальные, народные традиции, ставило себе конкретные национально-объединительные задачи в грандиозных масштабах, обгоняя в этом отношении западноевропейские страны. Русское искусство, и в первую очередь архитектура, опиралось на народные, национальные начала опять-таки в таких масштабах, каких не знали ни искусство, ни архитектура Западной Европы.

¹ См. «Архитектура СССР». Вып. 5-й. 1944. Статья Воронина Н. У истоков русского национального зодчества.